

Репрессивная политика советского государства в Казахстане в 1920–1930-е годы

Известный британский исследователь Дж. Оруэлл, характеризуя тоталитаризм, отмечал его главную особенность: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить... диктуется что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения... Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных, по меньшей мере, столь же действенно, как контролирует их поступки...»¹. Именно контроль за действиями, за свободой мысли, за чувствами «homo soveticus» стал основной задачей репрессивного механизма советского государства.

Карательные меры, применяемые государственными органами в СССР, использовались, прежде всего, для создания общества, управляемого системой на основе страха. Следовательно, репрессии должны были носить масштабный характер, только широкомасштабными репрессиями можно было испугать общество. Только такие действия могли внушать ужас. Это, во-первых. Во-вторых, никто не был застрахован от репрессивных мер. Никакие должности, никакие заслуги, никакой «иммунитет» (возраст, пол, состояния здоровья и т.п.) не срабатывали как защита от репрессивного механизма. Ни один человек (за исключением «Первого» – И. Сталина, который и был создателем системы) не был застрахован системой. Это усиливало страх. В-третьих, репрессии не были наказанием за совершенные действия. Они могли носить (чаще всего так и было) превентивный характер. Общество, человек не знали, что послужит причиной или поводом для очередного витка репрессий, невиновность не становилась пре-

¹ Дж. Оруэлл, «1984» и эссе разных лет, М. 1989, с. 245.

зумпцией, гарантом неприкосновенности личности. Это значило, что никто и ни при каких обстоятельствах не чувствовал себя в безопасности. Система не защищала человека, система (элементом, винтиком которой был сам человек) становилась самой опасной и непредсказуемой силой. И еще один момент. Действие (или бездействие) никак не соизмерялось со степенью наказания. Все это в совокупности и способствовало созданию «нового» управляемого общества, которым управляли карательными мерами.

Кроме того, репрессии в советском государстве являлись основным методом борьбы за власть, что приводило на путь физического уничтожения не только реальных, но и потенциальных (или предполагаемых) соперников и противников.

Еще одно обстоятельство. Репрессивная политика позволяла не только устранить оппозицию, но и без дополнительных капиталовложений переселять большие людские массы в малонаселенные районы страны, расширяя систему исправительно-трудовых лагерей, используя дармовой труд, решать крупные социально-экономические задачи. Такие, например, как масштабное промышленное строительство, освоение новых территорий, обеспечение трудовыми ресурсами малонаселенных районов страны².

Репрессии в Казахстане в советский период осуществлялись поэтапно, соответствуя основным направлениям социально-экономической и национальной политики партии и государства. Анализируя репрессивную политику в советский период, можно выделить, на наш взгляд, 9 основных этапов масштабных репрессий в Казахстане, носивших массовый характер и затрагивавших не отдельных индивидов, а целые категории населения по соответствующему интеллектуальному, социальному, имущественному цензу или определенной национальной принадлежности.

1. этап – репрессии, осуществившиеся фактически с первых дней захвата власти большевиками, с октября 1917 года до середины 1920-х годов, по отношению к национальной интеллигенции, связанной с деятельностью национальных партии («Алаш», «Шура-

² *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал*, т. 1, ред. Ю.Н.Афанасьев, М. 1997, с. 115.

и-Исламие» и др.) и правительств национальных автономий («Алаш-Орда», «Туркестани мухториат»). Этот список имен возглавляют А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, С. Лапин и др. Именно в этот период власти удалось изолировать или дистанцировать от общества, лишить влияния самую образованную, политически зрелую и активную часть казахского общества – элиту национальной интеллигенции. Причем механизм этого «общественно-политического остракизма» имел для всех подвергнувшихся репрессиям один алгоритм. Первоначально представителей национальной элиты «выдавливали» из власти, они были вынуждены уйти в сферу культуры – образование, наука (преподавание в вузах, работа в газетах и журналах, научная работа в исследовательских институтах и т.д.). Через пару лет власть понимала, что изменение сферы деятельности национальной интеллигенции (из политической в сферу культуры) не повлияло на образ мысли, на свободу мысли, тогда предпринимался следующий шаг по изоляции, «выдавливанию» из социальной среды – домашний арест, ссылка, заключение в тюрьмы. К середине 1920-х годов старая национальная интеллигенция, обладавшая в первой четверти XX века самым значительным влиянием на умы и настроения казахского общества, оказалась вне его.

2. этап – репрессии коммунистической партийно-советской элиты – «старых» большевиков, устанавливавших советскую власть в Казахстане, и коммунистов «молодого поколения», представителей «новой волны» советской национальной интеллигенции, составлявших оппозицию первому секретарю Казкрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекину в период его «Малого Октября» с середины 1920-х до начала 1930-х годов. Этот этап репрессий включил С. Сейфуллина, Т. Рыскулова, С. Садвокасова, С. Ходжанова, С. Мендешева и др. Данные представители советской национальной интеллигенции пытались предотвратить, остановить осуществление социалистических преобразований в Казахстане методами, Ф.И. Голощекина. Они предвидели и предупредили о катастрофе, которая может разразиться в казахской

степи, если не учитывать специфику и особенности традиционного кочевого хозяйства казахов. Оппозиция первому партийному руководителю края этой группы национальной партийно-советской элиты вызывала у власти не только раздражение, но и желание ее устранения, что и было осуществлено фактически к середине 1930-х годов. Итог репрессий – ссылки, аресты, заключение в тюрьмы.

3. этап – репрессии по отношению к зажиточному крестьянству (в том числе, казахских скотоводов-шаруа) в период сплошной коллективизации и насильственной седентаризации в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Этот этап репрессий, когда разворачивалась борьба по ликвидации кулачества и байства как класса, позволил власти «сломить хребет» крестьянству, уничтожив самую крепкую, самую хозяйственную, а значит и самую влиятельную часть аграрного населения. В период силовой коллективизации, когда и случилась катастрофа, о которой предупреждала казахская советская элита (Т. Рыскулов, С. Садвокасов, С. Ходжанов и др.) – «Великий джунт» (более 2 миллионов казахов, погибших от голода и болезней) – самую серьезную оппозицию власти составляли именно зажиточные слои аула и деревни Казахстана. Именно на их уничтожение и была направлена вся мощь советской репрессивной машины. Масштабность этого «классового натиска» позволяла делать вывод, что государство уже имеет очень сильный репрессивный аппарат, не случайно ряд исследователей этот этап характеризуют как «большевистский социально-классовый геноцид»³.
4. этап – репрессии инженерно-технических работников и рабочих на промышленных предприятиях по обвинению в «саботаже и подрывной работе» в 1930-е же годы («Риддерское дело», «Балхашское дело» и т.п.). На этом этапе под ярлыками «японско-германская агентура», «контрреволюционные организации», «троцкисты», «правые», «националисты и другие шпионские банды» подвергались репрессиям самостоятельно мыслящие пред-

³ *Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы*, А–А. 1998, с. 52–53.

ставители технической интеллигенции, инженерно-технических работников, рабочие. Как обоснование данного витка репрессий нарком внутренних дел Казахстана Л.Залин в своем выступлении в июне 1937 года подчеркивает, что «основная линия подрывной работы – это шпионаж политический, экономический, военный, вредительская диверсионная работа в нашей промышленности, в нашем транспорте, в нашем сельском хозяйстве в нашем животноводстве, подготовка террора... Перед нами, особенно чекистами, стоит задача вскрыть и разгромить до конца все, что осталось невскрытым из японско-германской агентуры, всякого рода фашистских, троцкистских, правых, контрреволюционных, националистических организаций...»⁴. Под этим же предлогом шла чистка кадров технической интеллигенции. По «делам о вредительстве» прошли представители руководящего состава крупнейших строек и предприятий Казахстана: Я.И. Михайленко, П.П. Спиридонов, А.И. Кельмансон, М.Г. Грольман, П.К. Поддубный, Н.М. Прасолов и многие другие. Итог репрессий этого этапа – аресты, заключение в тюрьмы, расстрелы.

5. этап – репрессии в 1937–1938 годы как пик и логическое завершение всех предыдущих волн репрессий – физическое уничтожение всех, кто оказался в какой-либо оппозиции к власти либо случайно попал под «прессинг» репрессивного механизма. На данном этапе все, кто попал по пресс репрессий на предыдущих этапах, но остался жив, были репрессированы вторично, но уже теперь с «расстрельной статьей». Предвестником массовых расстрелов в период репрессий 1937–1938 годов стало закрытое письмо ЦК ВКП(б) всем парторганизациям от 29 июля 1936 года, доводившее до крайности, до абсурда требование о выявлении и искоренении имеющихся недостатков «по части бдительности и неумения распознавать врага». И с целью реализации заданий данного письма в Казахстане Крайкомом принято решение, что «работа по разоблачению врагов и их пособников должна вестись повседневно всеми парторганизациями и каж-

⁴ *Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. Сборник документов*, Алматы 1998, с. 67.

дым коммунистом «на любом участке и во всякой обстановке»⁵. В период репрессий 1937–1938 годов сначала в застенках, затем расстрелянным оказался почти весь состав руководящих работников республиканских, областных, городских и районных партийных и советских органов, органов НКВД.

6. этап – репрессии с конца 1930-х – до середины 1940-х годов, связанные с депортацией народов в Казахстан – корейцев, поляков, немцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, турок – месхетинцев и т.д. Депортации народов на данном этапе были беспрецедентными даже в масштабах СССР. Сотни тысяч людей выселялись из районов проживания в 24 часа по огульному обвинению, десятки тысяч из них умирали во время депортации.
7. этап – репрессии в послевоенное десятилетие с середины 1940-х до середины 1950-х годов в отношении всех слоев населения – военнослужащих, попавших в плен, крестьянства, рабочих, интеллигенции и т.д., связанные с ужесточением сталинского режима в послевоенное десятилетие. Среди ярких представителей национальной интеллигенции, попавших под сталинские послевоенные репрессии, можно назвать имена Е. Бекмаханова, Б. Сулейменова, Б. Исмаилова, М. Ауэзова, К. Сатпаева и др.
8. этап – репрессии с середины 1950-х – середины 1980-х годов по отношению ко всем «инакомыслящим» – представителям творческой интеллигенции, ученым, партийно-советской элите и других социальных слоев. На данном этапе несколько «смягчаются» методы репрессий: вместо расстрелов – тюремные заключения, принудительное лечение в психиатрических клиниках, высылка из СССР и т.п.
9. этап – репрессии во второй половине 1980-х – участников декабрьских событий 1986 года.

Для всех этапов репрессий характерен ряд общих моментов. На начальном этапе их осуществления велась интенсивная политическая и идеологическая подготовка – обоснование проводимых массовых репрессий, связанное с механизмом воздействия на общественное сознание, ведь под «прессом» системы оказывались хорошо извест-

⁵ Ibidem, с. 9, 16.

ные люди, зачастую имевшие огромный авторитет среди населения страны, региона, края. Под репрессивный механизм попадали, как правило, самые выдающиеся, инициативные, имеющие собственную позицию, способные отстаивать свою точку зрения, личности. То есть, достаточно было обладать яркой харизмой, не вписываться в шаблон поведения и мышления, обозначенного системой, и репрессий было не избежать. Чем более выдающейся являлась фигура потенциального «оппонента» власти, тем более абсурдные обвинения выдвигались против него. Причем под начало нового витка репрессий подводились крупные социально-политические или экономические акции государства и наоборот.

Менялись формы и методы репрессивных мер в зависимости от социально-политической ситуации. Если в первой половине 1920-х годов еще существовала хоть какая-то свобода полемики, возможность дискуссий, обмена мнениями (репрессивные меры в этот период – «вытеснение» из партийных и государственных структур, изоляция, лишение политических и гражданских прав и т.п.), то к концу 1920-х годов, к моменту «великого сталинского перелома», сложилась обстановка нетерпимости к любой форме и степени инакомыслия и оппозиции, соответственно ужесточались и репрессивные меры. Врагов искали среди «чуждых партии и народу элементов», началась «охота за ведьмами». Эти «элементы» находили в первую очередь в самой партии, в рядах интеллигенции и всех инакомыслящих граждан страны. Все высказывания Первого – «вождя всех времен и народов» становились руководством к действию. Партийные, советские, правоохранительные органы, общественные организации, пресса – все были нацелены на немедленное и неукоснительное исполнение директивных выступлений Первого – В.И.Ленина, позже И.В. Сталина. Они претворялись в жизнь путем принятия решений руководящими органами партии (съездами, пленумами, конференциями, политбюро ЦК), на основе которых принимались аналогичные по сути содержания директивы республиканскими, а затем и местными партийными органами⁶.

Идеологической основой программы репрессивных действий первоначально послужили тезисы В.И. Ленина «о красном терро-

⁶ Ibidem, с. 6.

ре в ответ на белый», а позже теория И.Сталина об усилении классовой борьбы по мере укрепления социалистического общества, которую необходимо было подкрепить фактом действительного «наличия врагов». 9 июля 1928 года генеральный секретарь партии коммунистов И.В. Сталин, выступая с речью «Об индустриализации и хлебной проблеме» на пленуме ЦК ВКП(б) излагает тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма⁷. «Конечно, нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы... Мы не заинтересованы в том, чтобы классовая борьба принимала формы гражданской войны. Но это вовсе не значит, что тем самым отменена классовая борьба или что она не будет обостряться... По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров...»⁸.

Была подготовлена правовая база для проведения массовых репрессий. По материалам советских нормативно-правовых актов можно проследить, как изменялось уголовное законодательство в 1920–1930-е годы, как ужесточались меры наказания за «антисоветские действия». Абсолютное большинство репрессированных проходили по статье 58 УК РСФСР. В редакции 1926 года особенной части УК РСФСР к государственным преступлениям относят контрреволюционные преступления. В уголовном кодексе РСФСР за 1926 год из 17 конкретных видов контрреволюционных преступлений к 12 видам предусматривалось применение высшей меры наказания – расстрел. С 1934 года изменения в уголовном законодательстве становятся систематическими и все более далекими от действительно правовой основы. Для расследования дел о террористических организациях

⁷ И.В. Сталин, *Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 года на пленуме ЦК ВКП (б), 4–12 июля 1928 года*, Сочинения, т. 11. М. 1952, с. 170–171.

⁸ *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий*, М. 1993, с. 5–23.

и террористических актах против советской власти отводился срок, не превышающий 10 дней. В 1937 году органам НКВД было официально разрешено применять к арестованным «физические меры воздействия» (то есть, было узаконено применение пыток), была исключена возможность обжалования приговоров и смертные приговоры стали исполняться немедленно⁹.

На сегодняшний день не найдется ни одного исследователя, который обозначит даже приблизительное число жертв политических репрессий в Казахстане в 1920–1930-е годы. Архивные документы позволяют делать вывод о том, что репрессии носили не только массовый, но и плановый характер. Причем в этих документах обозначены плановые задания по репрессиям, так, как будто речь идет не о человеческих жизнях, а о тоннах чугуна и угля, километрах дорог, поголовье скота.

В архиве Президента РК имеется рассекреченный документ, проходивший под грифом «Строго секретно. Особая папка». Отметка «Особая папка» означала гриф высшей секретности. В нем за подписью семи членов бюро ЦК ВКП(б) Казахстана было принято решение о дополнительном увеличении количества репрессируемых антисоветских элементов. Причем основанием для такого решения послужил опрос этих членов политбюро. Не судебные решения, не анализ следственных дел, а опрос партийных работников высшего эшелона. Так, например, по Алматинской области первоначальный план репрессий по первой категории составил 400 человек, утвержден план в 300 человек, по второй категории 600 и 500 человек соответственно. По Актюбинской области по 1 первой категории план был увеличен со 100 до 150 человек, по 2 категории в первоначальном плане стоял пробел, в утвержденном варианте появилась цифра в 150 человек. В Карагандинской области плановые репрессии по 1 категории были увеличены с 200 до 250 человек. В целом по республике число плановых репрессий по первой категории было увеличено с 1925 до 2000, по второй категории цифра осталась без изменений – 3000 человек¹⁰.

⁹ *Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.*, А–А. 1998, с. 6.

¹⁰ АП РК. Ф. 708, Оп. 1, Д. 53, Л. 12.

Что же это за цифры, о чем идет речь? Реализация плана И.Сталина по массовым репрессиям началась решением ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года. Затем последовал оперативный приказ № 00447 за подписью наркома внутренних дел Ежова, в соответствии с которым за 4 месяца в СССР должны быть репрессированы 268 950 человек, из которых были убиты сразу 75 950. Однако это показалось недостаточным и было организовано «встречное планирование» с мест, в связи с чем и был, вероятно, подготовлен этот документ. Однако и предложенные цифры руководству страны показались недостаточными, и 3 декабря 1937 года ЦК ВКП(б) утвердил предложение ЦК КП(б) Казахстана об увеличении количества репрессируемых на 600 человек по 1 категории (вместо 75) и на 1000 по 2 категории (здесь увеличение не предусматривалось). К 1 категории относились «наиболее враждебные» антисоветские элементы, подлежащие расстрелу, ко 2 категории – подлежащие заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет¹¹.

Только в Карагандинской области за несколько месяцев 1937 и 1938 годов были «раскрыты» ряд крупных дел. Январь 1937 г. – «контрреволюционно-националистическая группа на строительстве Карагандинской ГРЭС» (руководители – Тулегенов и Уйспеков). Действия «группы» – 12 января сбор на квартире и хоровое исполнение «контрреволюционных националистических песен, направленных против руководителей партии и правительства». Меры – исключение из рядов партии и передача дела в следственные органы¹². Июнь 1937 года – в выступлении наркома внутренних дел Л.Залина о разоблачении «шпионов японо-германской разведки», создавших на шахтах Караганды контрреволюционную организацию (руководители – главный инженер Куперман, Федорович, Дрей, Беленко и др.). Дело передано в следственные органы¹³. Сентябрь 1937 года – решение об организации показательного судебного процесса над участниками контрреволюционных групп, вредивших в области сельского хозяйства по Карагандинской области (руководители – Асылбеков,

¹¹ Политические репрессии в Казахстане..., с. 253.

¹² АП РК. Ф. 811, Оп. 23, Д. 516, Л. 108–110.

¹³ Ibidem, Ф. 708, Оп. 1, Д. 2, Л. 99–112.

Нурсеитов, Гатаулин)¹⁴. К марту 1938 года – только в Карагандинской области уволено и арестовано органами НКВД 190 учителей, причем по республике это один из самых высоких процентов – 7,6¹⁵.

Причем массовые репрессии – это результат не только «бдительности» органов НКВД. В значительной степени массовость карательных мер была обусловлена массовыми доносами, которые писали в эти органы «бдительные» граждане советской страны. В архивных документах зафиксированы единичные случаи разоблачения клеветы и привлечения клеветников к ответственности. Ответконтролер УКПК по Казахстану Кантарбаев фиксирует случай по Карагандинской области (сентябрь 1938 года), когда член партии О. написал заявление на Смагулова, «обвиняя его сыном бая». Последний был исключен из партии. При проверке впоследствии оказалось, что «сам О. лично не знал отца Смагулова, он слышал от своей тещи про одного бая Смагула, слепого на один глаз». И далее в этом документе: «отец Смагулова баем не был и умер в 1934 году с двумя глазами, за что О. объявлен выговор. Смагулов восстановлен в партии»¹⁶. Нам думается, что коммунисту Смагулову в 1938 году повезло, ибо одним из наиболее распространенных мотивов исключения из партии в эти годы и привлечении к суду было «скрытие социального происхождения». Но это единичный случай, когда донос оказался безрезультатным. В большинстве случаев доносы и были главным основанием для обвинения, арестов, тюремного заключения и расстрелов.

Мотивов в 1920–1930-е годы для начала репрессий было огромное множество: «троцкисты и зиновьевцы», «имеющие связь с троцкистами», «антипартийные выступления и разговоры», «потеря бдительности по отношению к врагам» и т.д. Такие обвинения впоследствии приводили к крайним мерам наказания.

Под жесткий пресс репрессивного механизма попадали не только за политические обвинения. От 2 до 7 лет концлагерей с поражением в правах можно было попасть за создание «Ассоциации любителей выпить и закусить». Именно такую организацию в феврале 1937

¹⁴ Ibidem, Д. 53 б, Л. 4–5.

¹⁵ Политические репрессии в Казахстане..., с. 177–180.

¹⁶ Ibidem, с. 243.

года создали студенты педагогического института города Алматы, написав программу, устав и распределив между собой шуточные роли в этой «Ассоциации любителей выпить и закусить» – «премьер-министр», «министр халтуры», «богиня любви» и т.д. Чувство юмора студентов не разделили судебные органы. Члены АЛВИЗа были обвинены в создании антисоветской организации. Причем, в докладной записке члена спецколлегии Верховного суда КазССР с возмущением отмечено, что «богиней любви эти 20-летние «министры халтуры» избрали 27-летнюю, пятипудовую женщину Ш.»¹⁷. Как видим, достаточно было проявить любую нестандартность, свободу мысли, даже в юмористической форме, власть реагировала немедленно и жестко.

Все приведенные выше факты позволяют констатировать, что тоталитарный режим избрал один из наиболее «эффективных» методов управления обществом – массовые репрессии. Тоталитарный режим с момента захвата власти под звучные лозунги созидания «нового мира» форсированно «строил» новое общество и систему, способную управлять этим обществом, систему подавления личности. Тоталитарное государство контролировало мысли и чувства своих граждан, так же действенно, как контролировало их поступки.

Streszczenie

Środki karne, stosowane przez organy państwa w ZSRR, były wykorzystywane przede wszystkim do tworzenia społeczeństwa zarządzanego systemem opartym na strachu. Ponadto represje w państwie sowieckim były główną metodą walki o władzę, pozwalały bez dodatkowych inwestycji przesiedlać wielkie masy ludzi do słabo zaludnionych rejonów kraju, rozszerzając system poprawczych obozów pracy i wykorzystując darmową pracę do realizacji wielkich zadań społeczno-gospodarczych.

Represje w Kazachstanie w okresie sowieckim były uruchamiane etapami, zgodnie z głównymi kierunkami społeczno-gospodarczej i narodowościowej polityki partii i państwa. Analizując politykę represji w okresie sowieckim można wyodrębnić 9 zasadniczych etapów szerokiej represji w Kazachstanie. W wyniku

¹⁷ Ibidem, c. 37.

„bolszewickiego ludobójstwa” Kazachstan został pozbawiony narodowej elity politycznej, kulturalnej, naukowej, inżynieryjno-technicznej i zamożniejszej części chłopstwa – najbardziej twórczej i samodzielnie myślącej części społeczeństwa. U schyłku lat trzydziestych – do połowy lat czterdziestych do Kazachstanu deportowano Koreańczyków, Polaków, Niemców, Czeczeńców, Inguszy, Tatarów krymskich, Turków meschetyjskich itd. Deportacje narodów w tym okresie były bezprecedensowe nawet w skali ZSRR. Setki tysięcy ludzi wysiedlano z ich regionów zamieszkania w 24 godziny na ogólnikowe oskarżenie, dziesiątki tysięcy z nich umierały w czasie deportacji.

Dla wszystkich etapów represji charakterystyczny jest szereg wspólnych momentów. Pod mechanizm represji z reguły trafiali ludzie najwybitniejsi, odznaczający się inicjatywą, posiadający własną pozycję, zdolni do obrony własnego punktu widzenia. Za podstawę ideologiczną programu działań represyjnych posłużyły tezy W. Lenina „o czerwonym terrorze w odpowiedzi na biały”, później zaś teoria J. Stalina o zaostrzającej się walce klasowej w miarę postępów w budowie społeczeństwa socjalistycznego, którą należało koniecznie podbudować faktem rzeczywistej „obecności wrogów”.

Na ten moment nie uda się znaleźć badacza, który określi bodaj przybliżoną liczbę ofiar represji politycznych w Kazachstanie. Dokumenty archiwalne pozwalają wysnuć wniosek, że represje nosiły nie tylko masowy, ale również planowy charakter.

Summary

The punitive measures employed by the Soviet authorities were primarily used to create a system of society management based on fear. Furthermore, repressions in the USSR were one of the main methods employed in the power struggle and they allowed to resettle thousands of people to scarcely populated regions of Russia without additional cost, expanding the system of corrective labour camps, which in turn provided non-paid workers for the realisation of massive social and economic endeavours.

Repressions in Kazakhstan were introduced in stages, following the main directions of the social, economic and national policy of the communist party and the state. An analysis of the repressive policy under the Soviet regime reveals 9 stages of wide-scale repressions in Kazakhstan. As a result of the “Bolshevik genocide”, Kazakhstan was deprived of its national political, cultural, scientific,

technical and engineering elites as well as of the affluent peasantry – the most creative and independently thinking part of the society. Between the late 1930s and the mid 1940s deported to Kazakhstan were members of various nations: the Koreans, the Polish, the Germans, the Chechens, the Ingush, the Crimean Tatars, the Meskhet Turks, etc. The scale of resettlement was unprecedented even in the USSR. In one day hundreds of people were displaced from their settlements on a basis of vague charges; tens of thousands of them died during the resettlement.

Common for all the stages of repressions are several key moments. Most often subject to repression were the most outstanding people, ones endowed with initiative, having their own position and capable of defending their point of view. The ideological framework for the program of repressive actions were the words of V. Lenin about “the Red Terror as a response to White Terror” and later the theory of J. Stalin on the class struggle exacerbating with the progress of the socialist society, which needed to be fuelled with the presence of a factual “enemy presence.”

It is impossible now to find a scholar that would be able to estimate the number of victims of the political repression in Kazakhstan. A conclusion based on the archival sources points to the fact that the repressions were not only conducted on a mass scale, but also that they were methodically planned.